

Ли Жуань поначалу думал, что странности в его теле связаны лишь с тем, что он недавно заново восстановил свой фундамент, а меридианы ещё не полностью сформировались.

Поэтому он особо не переживал: ел, когда был голоден, спал, когда хотелось, а когда чувствовал прилив сил — отправлялся культивировать в лес.

Но спустя пять-шесть дней состояние не только не улучшилось, но стало куда более тревожным.

Ранним утром крик разорвал тишину леса, вспугнув множество птиц.

На южном склоне горы Чанмин, где на середине возвышения была высечена прекрасная пещера с искусно вырезанными каменными дверями, маленькая красная лиса царапала створки и жалобно подвывала:

— А-Сюэ... А-Сюэ, спаси меня... А-Сюэ...

Лисёнок плакал всё громче, и стоило ему лишь пару раз скрести по двери, как его маленькое тело внезапно взлетело в воздух.

Линь Цзяньсюэ держал его за загривок и сонно зевал:

— С раннего утра... почему ты меня будишь? Не спится тебе?

Красные глаза лисёнка были полны слёз — увидев его, он сразу затрепыхал лапками, пытаясь прыгнуть на него.

Линь Цзяньсюэ поспешно вытянул руку вперёд, держа его на расстоянии:

— Ты чего орёшь?

Ли Жуань всхлипнул:

— Кажется, я заболел!

Это всё та же проблема — истинная энергия исчезала, как только доходила до нижнего даньтяня.

Он проверял себя уже несколько раз, но ничего не нашёл, и потому перестал придавать значение. Но из-за полного отсутствия прогресса он и так немного забросил практику, несколько дней не запускал циркуляцию энергии.

А сегодня утром, проснувшись, он обнаружил, что духовная сила куда-то пропала — будто то, что сидело у него в животе, не сумев поглотить циркулирующую энергию, начало пожирать его собственные силы.

Пещера Линь Цзяньсюэ была очень удобной. Ли Жуань сидел на лежаке, укрытый мягким пледом, глаза красные, он тихо всхлипывал:

— Смотри... я снова стал таким...

Его человеческий облик больше не был юношеским — он стал таким, каким был, когда впервые обрёл возможность перевоплощения в человека. Из волос уныло свисали пара поникших лисьих ушек.

— Мне точно очень плохо... — прохныкал Ли Жуань.

Он слышал, что незадолго до смерти у представителей расы яо энергия перестаёт циркулировать, они ничего не могут делать, а духовная сила иссякает день ото дня.

Когда духовная сила иссякнет — наступит конец жизни.

Чем больше он об этом думал, тем страшнее становилось. Он схватил Линь Цзяньсюэ за рукав и жалобно спросил:

— Я умру?

Линь Цзяньсюэ: —...

Умереть — вряд ли. Если бы это было действительно «пять упадков небесного существа», лисёнок не смог бы орать так, чтобы эхо гремело по всей горе.

Но что же тогда?

Он сначала проверил его пульс — тот был нормальным. Затем направил в его тело мягкий поток духовной силы. Поток спокойно прошёл по меридианам и... действительно растворился в нижней части живота.

Линь Цзяньсюэ нахмурился.

Это было похоже на...

— Ты в последнее время ничего странного не ел? — осторожно спросил он.

— Ел только фрукты... — прошептал Ли Жуань. — Но я почему-то всё время голодный. Не могу наесться... А-Сюэ, у тебя есть что-нибудь поесть?

Он потер живот:

— Я так голоден... голодный... плак...

Линь Цзяньсюэ молчал.

Как большой оборотень, он давно не ел обычной пищи и ничего не хранил в пещере. Он долго успокаивал Ли Жуаня, много раз уверяя, что это точно не приближение конца жизненного пути, и что всё можно выяснить.

После этого отправил его домой ждать новостей — ему нужно было найти кого-то, кто мог бы объяснить такую странность.

И Ли Жуань, понуро опустив уши, отправился обратно в свою пещеру.

Он прожил с Цзян Шэнем несколько месяцев и привык хранить в пещере запас еды.

Вернувшись в пещеру, Ли Жуань разозлился, вышел наружу, поймал дикого фазана, оципал его и выпустил кровь.

Но за эти месяцы он отвык от сырого мяса — особенно в последние дни: болен он или нет, но запах вызывал у него лишь отвращение.

Раньше всем этим занимался Цзян Шэнь, и Ли Жуань только сейчас понял, насколько это всё сложно.

Жаркое у Цзян Шэня получалось с хрустящей корочкой, мягкое внутри, прожаренное в меру и очень вкусное.

У него самого — снаружи подгорело, внутри недожарено: где-то сухое, где-то сырое, и есть это было совсем невозможно.

Сделав один укус, Ли Жуань скривился, отбросил еду и, в конце концов, снова начал жевать только фрукты.

Он улёгся на соломенную постель — полежал немного, стало невыносимо, и он побрёл в глубину пещеры, достал одежду Цзян Шэня.

Когда Цзян Шэнь уходил, он не забрал свои вещи, а Ли Жуань не захотел выбрасывать — всё сохранил как есть.

Он свалил всю одежду на постель, зарылся в неё лицом — так ему стало немного легче.

Поев, он сразу почувствовал сонливость. Ли Жуань был такой сонный, что мысли путались.

То ему становилось обидно — вот если бы Цзян Шэнь был рядом, он бы обнял его, погладил, приготовил много вкусного.

То ему вдруг казалось, что если он и правда умирает, то было бы неплохо — всё равно нет надежды на вознесение, тогда лучше уж отправиться в мир людей и жить рядом с Цзян Шэнем.

А-Сюэ такой сильный — продлить ему жизнь на сотню другую лет, наверное, не составит труда.

А там, через сто лет, можно и вместе в подземный мир...

Ли Жуань заснул прямо посреди этих мыслей — неясно, сколько прошло времени, когда его разбудили.

Во сне он снова обернулся в лисёнка. Тот свернулся клубком в куче одежды Цзян Шэня и теперь сонно протирал лапками глаза.

— Цзян Шэнь... можно уже есть?.. — пробормотал лисёнок. — Во сне всё звал его... говорил, что он меня не хочет...

Юноша (Линь Цзяньсюэ) фыркнул.

Ли Жуань моргнул, медленно приходя в себя:

— А-Сюэ?

— Я, — Линь Цзяньсюэ усмехнулся. — Это не твой Цзян Шэнь. Разочарован?

— Н-нет...

Ли Жуань поспешно попытался подняться, но запутался в одежде и почти скатился с постели.

Линь Цзяньсюэ подхватил его.

Лисёнок беспомощно перебирал лапками в воздухе. Когда его поставили на место, он серьёзно сказал:

— А-Сюэ, я хотел попросить — можно не хватать меня за загривок каждый раз? Как щенка.

— Разницы между тобой и щенком я не вижу, — Линь Цзяньсюэ снова поддёргнул его за холку.

— Лисёнок-оборотень, проживший сотни или тысячи лет, стал таким прилипчивым после нескольких месяцев с одним смертным... щенки, наверное, и то менее навязчивые.

— Это не потому, что меня вырастил смертный! Это я растил смертного! — возмутился Ли Жуань.

Линь Цзяньсюэ фыркнул, не споря.

Ли Жуань сел — и только тогда заметил ещё одно существо в пещере.

Это было не совсем маленькое животное: взрослая львица, почти такая же большая, как истинная форма самого Линь Цзяньсюэ, если не больше.

Она лежала у стены неподвижно, а у неё на спине сидели два детёныша — совсем маленькие львята, с почти белёсой шерстью.

Они выглядывали из-за её головы и с любопытством смотрели на Ли Жуаня.

Ли Жуань моргнул:

— Это... это тот лекарь, которого ты привёл?

— Возможно, — лениво отозвался Линь Цзяньсюэ. Он повернулся к львице: — Посмотри его. Это из-за этого?

Ли Жуань хотел что-то спросить, но львица уже шагнула вперёд.

Она была куда больше маленького красного лиса.

Подойдя, она протянула широкую лапу и положила её ему на живот.

Потом слегка надавила.

Два львёнка тоже спрыгнули с львицы, обошли Ли Жуаня вокруг два раза, потом наклонили

головы и попытались уткнуться ему в живот.

Ли Жуань не привык, чтобы другие звери так близко подходили, но эти малыши были слишком маленькие — он боялся их задеть и нечаянно поранить, поэтому лишь беспомощно поднял взгляд на Линь Цзяньсюэ:

— Ч-что... что происходит?

На этот раз ответил не Линь Цзяньсюэ, а сама львица:

— У тебя детёныш.

Ли Жуань: —...

— Всё в порядке, — голос львицы был мягким и спокойным, совсем не соответствующий её виду. — Когда я была беременна вот этими двумя, было точно так же. В самом начале детёнышу постоянно требуется духовная сила, иначе он не растёт. Поэтому и устаёшь.

Ли Жуань уставился на львицу.

Он понимал каждое слово... но вместе они не складывались ни во что осмысленное.

К счастью, первым опомнился Линь Цзяньсюэ:

— Но почему я не почувствовал у него пульса плода?

— Потому что детёныш пока только сгусток духовной силы, ещё не сформировался, — объяснила львица. — Пусть впитывает силу матери — со временем появится и пульс.

— Вот оно что, — быстро согласился Линь Цзяньсюэ и сразу перешёл к следующему: — Тогда почему он так быстро пожирает духовную силу? С такой скоростью он опять вернётся к первоначальной форме. Насколько я знаю, хотя зародыш и питается духовной силой матери, он никогда не причиняет ей вреда.

Этот вопрос заставил львицу запнуться. Потом она неуверенно сказала:

— Может... отец детёныша слишком силён? Если разница в уровне велика, плод наследует силу отца и на рост тратит куда больше духовной энергии.

Линь Цзяньсюэ нахмурился:

— Тогда это странно. Отец ребёнка очевидно...

— Подождите! — наконец вклинился Ли Жуань. — О чём вы говорите?! Какой ещё детёныш?! С чего бы мне быть беременным?! Я — лис♂!

Львица растерялась:

— Правда? — Она повернула голову к Линь Цзяньсюэ. — А у вас что, лисы такие сильные? Самцы тоже могут рожать?

Линь Цзяньсюэ развёл руками:

— Я, по крайней мере, не могу.

Ли Жуань: — И я не должен уметь!!

— Но детёныш у тебя есть, — спокойно сказала львица. — Не веришь моим словам — так неужели не веришь этим двоим? Они чувствуют это лучше всех.

Два маленьких львёнка всё ещё пытались протиснуться носами к его животу.

Детёныши зверей невероятно чувствительны к зародышам — даже взрослые оборотни, прожившие по сто лет, не замечают столь рано то, что эти малыши почувствовали мгновенно.

Именно поэтому Линь Цзяньсюэ и пригласил львицу поставить диагноз:

Неизвестный сгусток внутри живота, пожирающий духовную силу — слишком похоже на беременность у оборотней.

Убедившись, львица с детёнышами ушла, а Линь Цзяньсюэ вернулся в пещеру.

Ли Жуань всё ещё сидел на кровати, ошеломлённый, как будто его ударили по голове.

— Очнись, — позвал Линь Цзяньсюэ. — Вместо того чтобы сидеть столбом, лучше думай, что делать дальше. Или хочешь дождаться, пока этот ребёнок высосет из тебя всю духовную силу, и ты снова откатишься в детёныша?

— ...

Реакция Ли Жуаня была куда медленнее обычного.

Он медленно опустил взгляд, медленно положил ладонь на живот и прошептал:

— Но... почему?

Линь Цзяньсюэ сел рядом:

— Начнём с главного. Мы можем быть уверены, что отец ребёнка, второй отец — Цзян Шэнь. Верно?

Ли Жуань тихо:

— Наверное...

Линь Цзяньсюэ прищурился:

— Наверное?

Ли Жуань, чуть громче:

— Это Цзян Шэнь.

— Ну вот, — сказал Линь Цзяньсюэ. — Значит, проблема не в тебе, а в нём.

— Но как ни посмотри... он самый обычный смертный, — Ли Жуань растерянно встал и посмотрел на себя вниз. — И я ведь тоже самец...

Линь Цзяньсюэ: —...

Он лучше всех знал, что Ли Жуань — самый обычный лис-мальчик, без каких-либо странностей в теле, — уж он-то лечил его достаточно раз.

Но почему такое произошло — он никак не мог понять.

Более того, по словам львицы, странное состояние Ли Жуаня могло быть связано с тем, что второй родитель ребёнка по силе возвышается над ним слишком уж сильно.

У Ли Жуаня память была в беспорядке — он сам считал, что культивировал всего несколько сотен лет.

Но Линь Цзяньсюэ знал: когда они встретились триста лет назад, сила Ли Жуаня была намного выше его собственной.

Просто годы тяжёлых небесных молний истощили его, и он так и не вернулся к прежнему уровню.

Линь Цзяньсюэ даже представить не мог, насколько же могущественным нужно быть, чтобы заставить Ли Жуаня почувствовать себя таким слабым.

А ведь Цзян Шэнь — обычный смертный...

Это было настолько невероятно, что даже Линь Цзяньсюэ не мог разобраться, а уж Ли Жуань — тем более. Поэтому он не стал развивать тему, чтобы не нагружать того лишним, и лишь сказал:

— Сейчас тебе нужно думать о другом.

Ли Жуань моргнул:

— О чём?

— Твоей духовной силы не хватает, чтобы кормить этого... малыша. Значит, нужно что-то придумать, — сказал Линь Цзяньсюэ. — Ты сам говорил, что поглощение эссенции ян Цзян Шэня особенно сильно восстанавливает тебе силы?

Если вспомнить — действительно странно:

Эссенция обычных смертных может укреплять оборотней, но обычно только через поедание плоти или через двойную культивацию.

А Ли Жуань был тогда истощён до костей, и всё же, просто получая крохи энергии от Цзян Шэня каждый день, сумел восстановить способность к человеческой форме.

Это не то, чего можно добиться силой обычного человека.

И вот, услышав имя Цзян Шэня, Ли Жуань наконец начал приходить в себя.

— Ты хочешь сказать, что мне снова нужно впитывать эссенцию Цзян Шэня?.. — он моргнул, раздумывая. — Но как же вознесение? Если я пойду в мир людей, я ведь долго не смогу нормально практиковаться.

Линь Цзяньсюэ посмотрел на него без эмоций.

Тон Ли Жуаня был спокойным... но совершенно незаметно для него хвост за спиной задорно вилял из стороны в сторону, выдавая истинные мысли.

Малыш радовался.

Очень радовался.

— Но сейчас в твоём животе ребёнок, — напомнил Линь Цзяньсюэ нарочно жёстко. — Ты всё равно не сможешь культивировать. Или хочешь простейший выход — избавиться от плода раз и навсегда?

— НЕТ! — Ли Жуань отступил на два шага, шерсть на загривке встала дыбом. — Лисёнок ничего не сделал плохого! Нельзя так с ним обращаться!

Линь Цзяньсюэ усмехнулся:

— Тогда что ты собираешься делать?

— Я... — Ли Жуань кивнул, — я пойду к нему.

Он отвёл взгляд, стараясь выглядеть спокойным, но выходило плохо. Ушки стояли торчком, хвост был поднят высоко и вибрировал от возбуждения, в глазах блестел живой свет.

Одна только мысль о встрече с Цзян Шэнем делала его счастливым.

Очень-очень счастливым.

Но всё же Ли Жуань задержался ещё на два дня.

Причина была простая: плод в животе высасывал слишком много духовной силы, и иллюзорная человеческая форма больше не могла скрывать уши и хвост. Пришлось что-то придумывать.

В итоге именно Линь Цзяньсюэ создал ему временную иллюзию, чтобы скрыть признаки звериной природы.

И более того — нашёл маленькую синичку и отправил её с ним в мир людей.

— Не надо так усложнять... — попытался возразить Ли Жуань.

— Синичка часто летает в столицу, она знакома с миром людей и сможет помочь тебе. — Линь Цзяньсюэ был непреклонен. — И если что-то случится, она немедленно передаст весть.

— Да это не я о тебе беспокоюсь! — зашебетала синичка. — Просто А-Сюэ пообещал помочь мне растить младняк, вот я и согласилась.

Линь Цзяньсюэ кивнул:

— Видишь? Птица тоже за тебя переживает.

— НЕ ПЕРЕЖИВАЮ! — возмутилось птичье.

Линь Цзяньсюэ сдержанно улыбнулся, затем серьёзно сказал Ли Жуаню:

— Жуань-Жуань, когда отправишься в мир людей — будь предельно осторожен.

Он будто о чём-то вспомнил и слегка убрал улыбку.

— Людские сердца непредсказуемы. Будь осторожен, не позволяй себя обижать.

— Знаю. — Ли Жуань полностью принял человеческий облик юноши, переделался в ярко-красную одежду обычных людей, аккуратно обулся. — Я практикую уже сотни лет, просто сходить в мир людей — ничего со мной не случится. А ещё...

Там есть Цзян Шэнь.

Он не позволит его обидеть.

Так думал Ли Жуань.

От Чанмин до столицы всего триста ли, Ли Жуань мог бы долететь туда почти мгновенно, но, спустившись с горы, он вовсе не направился в сторону столицы.

По утренним сведениям синички, из-за того что Святейший долго не идёт на поправку, наследный принц недавно отправился в храм предков, чтобы молиться за его здоровье в течение трёх дней.

В путь он выступил ещё вчера ранним утром.

Храм предков находился далеко от столицы — синичка специально слетала подслушать

разговоры: выехали на рассвете и прибыли уже ближе к сумеркам следующего дня.

Ли Жуань не стал медлить: спустившись с горы, он взял с собой синичку и направился прямо к храму предков.

Цзян Шэнь действительно был в пути.

Молитва наследного принца за Святейшего — дело важнейшее.

Процессия, направлявшаяся к храму предков, растянулась в длинную очередь, а карета принца ехала ровно в центре кортежа.

Цзян Шэнь сидел у оконца.

В ту эпоху пурпур считался цветом величия, потому он был облачён в чёрно-пурпурные парчовые одежды, украшенные нафритом, с короной на голове — без единого изъяна, с головы до ног.

Он поднял чашку с чаем, сделал глоток и спросил:

— Значит, вы по-прежнему ничего не нашли?

— Ваше Высочество, нет, — ответил стоя на коленях молодой человек в чёрном — Юй Сю, глава стражи, который тогда сопровождал принца обратно в столицу. — Подчинённые расспросили все деревни возле столицы за последние три месяца. Никто не видел Ваше Высочество, и никто не видел тяжелораненого, которого могли бы лечить.

— Никто? — Цзян Шэнь нахмурился. — Крестьяне, торговцы, странствующие врачи — всех спрашивали?

— Всех, и всё равно никого, — ответил Юй Сю.

Цзян Шэнь тихо выдохнул.

Поглаживая пальцами фарфоровую чашку, он усмехнулся:

— Тогда как же мои раны зажили? Неужели боги снизошли исцелить меня?

Он знал, что забыл что-то чрезвычайно важное.

Прошлой зимой его выманили из столицы поддельным секретным письмом, и после нападения у городских ворот он скрывался среди простолюдинов. При этом он не прекращал связь с подчинёнными и даже успел разработать план по захвату губернатора Хугуана. Вернувшись, он по следам распутал всю сеть людей третьего принца и уничтожил фракцию, стоявшую за покушением.

Те месяцы были бурей из крови и страха, когда весь двор находился под угрозой — всё это было делом рук Цзян Шэня.

И казалось, на этом можно было бы поставить точку.

Но Цзян Шэнь никак не мог понять одного.

Почему он не помнит, где именно на него напали, как он упал с обрыва, как сумел выжить...

Он помнил лишь смутно: он падал, он был тяжело ранен... но с какого утёса?

Кто его спас?

Как восстановились раны?

Он не мог вспомнить ничего.

Цзян Шэнь потер переносицу, чувствуя необъяснимое раздражение.

— А тот нефритовый кулон? — спросил он. — Что удалось узнать?

Юй Сю ответил:

— Подчинённые обошли всех торговцев нефритом в столице, но все говорят, что материал не относится ни к одному типу нефрита, что используется в мастерских или во дворце. Возможно, он из Западных регионов.

Этот кулон был единственным предметом, который Цзян Шэнь нашёл при себе — единственной зацепкой, возможно связанной с утраченной памятью.

Но даже по нефриту ничего нельзя было выяснить.

Цзян Шэнь некоторое время молчал. Юй Сю колебался и наконец сказал:

— На самом деле... осталось ещё одно место, которое мы не обыскали.

Цзян Шэнь поднял взгляд:

— Ты имеешь в виду запретную территорию Чанмин?

— Да.

— Ваше Высочество встретили подчинённого неподалёку от Чанмина, — сказал Юй Сю. — Раз уж в окрестных деревнях ничего не нашли, возможно, Вы по ошибке забрели именно туда?

— На Чанмин идти нельзя.

Цзян Шэнь опустил глаза, снова налил себе чаю и тихо сказал:

— Говорят, будто в Чанмине живут злые духи, способные навлечь беды на страну. Если безрассудно тревожить их, это может поколебать устои государства. Разве ты не слышал?

Юй Сю глянул:

— Но...

— Чушь это всё, я знаю. — Цзян Шэнь говорил спокойно. — Но народ думает иначе. Я вот-вот унаследую трон. Если сейчас с шумом ворвусь в запретные земли — что, по-твоему, будет?

Человеческий слух — страшная вещь...

Юй Сю опустил голову:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, не продумал.

— Встань. Я не виню тебя.

Юноша поднялся.

Цзян Шэнь распорядился:

— Продолжайте поиски. Если у столицы ничего нет — ищите дальше. Если столичные торговцы нефритом не знают этого камня — езжайте в Западные земли, в Корею,

расспрашивайте всех заморских купцов.

Если всё равно не найдёте... — он наклонил голову, взглянув в окно, — тогда, когда всё здесь закончится, я сам отправлюсь на Чанмин.

Юй Сю поднял глаза на Цзян Шэня.

Все в мире говорили, что нынешний наследный принц жесток и хитёр, что ради трона он не пощадит даже родного брата. Но ему было всего чуть больше двадцати — он всё ещё очень молод.

Юй Сю был почти ровесником Цзян Шэня и служил ему с юных лет.

Он знал Его Высочество лучше большинства.

И за всё это время он ни разу не видел, чтобы принц настолько о чём-то беспокоился.

Слишком многие наблюдали за каждым его шагом. Стоит лишь показать слабое место — оно станет рычагом для врагов.

Его Высочество всегда понимал это лучше других.

Но сейчас он изо всех сил пытался вернуть утраченные воспоминания.

Юй Сю не мог понять, почему.

Странно — потерять память. Но ведь Цзян Шэнь был тяжело ранен — последствия объяснимы.

Тем более, он помнил всё важное: все события тех трёх месяцев, все замыслы и решения.

Этого разве недостаточно?

Впереди — решение судьбы престола; каждый шаг Его Высочества — словно ход по тонкому льду.

Что могло быть важнее?

Сомнения терзали Юй Сю, но спрашивать он не смел.

Он лишь тихо ответил:

— Да.

Только к закату они наконец прибыли в храм предков.

Цзян Шэнь сам спрыгнул с кареты, не дожидаясь помощи, и сказал сопровождающим:

— Разбивайте лагерь и отдыхайте. Завтра утром начнём церемонию поклонения предкам. Проследите, чтобы всё...

Его голос вдруг оборвался.

Маленький евнух, стоявший за ним, удивлённо поднял голову — и увидел, что Его Высочество уставился куда-то в сторону леса, будто увидел там что-то непонятное.

— Ваше Высочество?

Цзян Шэнь очнулся лишь через пару секунд.

— Ничего. — Он откашлялся. — Эта церемония проводится ради благословения Святейшего. Сегодня вечером я ещё раз проверю весь порядок ритуала — всё должно быть безупречно.

— Слушаюсь.

Евнух поспешил выполнять приказ.

А Цзян Шэнь снова бросил взгляд туда, куда смотрел секунду назад.

Ему показалось...

Он видел там какое-то маленькое животное?

Щенка?

— Меня почти заметили.

Когда люди, стоявшие у леса, почти разошлись, из-за дерева высунулась пушистая круглая голова.

Ли Жуан моргнул, собираясь уже идти следом, но его остановила синица.

— Ты что, собираешься вот так просто туда выйти? — спросила синица.

— Конечно нет, я же не глупый, — сказал Ли Жуань, но всё равно не удержался и снова посмотрел туда, куда ушёл Цзян Шэнь — словно ноги сами рвались пойти за ним. — Подожду, пока рядом с ним никого не будет. Тогда и найду.

Большинство смертных боятся оборотней, поэтому чем меньше людей увидит его — тем лучше. Так думал Ли Жуань.

Синица спросила снова:

— А когда найдёшь, как собираешься ему всё объяснить?

Ли Жуань не понял:

— Просто скажу, как есть.

— Прямо скажешь: раньше ты использовал его как печь для практики, а когда закончил — стёр ему память и бросил. А теперь ты беременный, духовной силы не хватает, и тебе снова нужен он, чтобы продолжать быть твоей печью? — Синица облетела Ли Жуаня кругом. — Ты так собираешься сказать?

— Я не собирался его бросать... хотя... звучит как будто правда... — пробормотал Ли Жуань. — Разве нельзя так сказать?

— Конечно нельзя! — синица затрепетала крылышками. — Если бы это сделали с тобой — использовали, бросили, а потом снова пришли использовать — тебе бы понравилось? Если скажешь так, Цзян Шэнь точно рассердится!

— Цзян Шэнь не будет на меня злиться, — тихо сказал Ли Жуань.

— Но ведь он теперь тебя не помнит...

Ли Жуань замолчал.

Он слегка дёрнул хвостом и снова посмотрел туда, куда ушёл Цзян Шэнь.

— Тогда... что мне теперь делать? — спросил он.

Синица приземлилась перед ним, важно вздёрнув хвост:

— У меня есть идея.

Она поманила Ли Жуаня наклониться, и они шёпотом начали обсуждать:

— Всё просто. Ничего ему не говори о том, что ты стёр его память. Скажи, что...

Ночь была тёмной.

В анастасийском храме только в покоях наследного принца ещё горел свет.

Впереди и позади жилища стояла плотная охрана, а в это время маленький лисёнок, пользуясь темнотой, перелез через стену и тихо проскользнул во двор.

Внутри Цзян Шэнь в последний раз просматривал порядок завтрашней церемонии, устало массируя переносицу.

С момента возвращения в столицу он не отдыхал ни дня: сначала — расследование покушения, затем — подготовка к вступлению на трон. Слишком много дел, слишком много тонкостей, особенно когда император всё ещё жив и необходимо обеспечить безупречный переход власти.

Даже эта церемония поклонения предкам — одна из важных частей.

Если бы всё ограничивалось только этим — он бы справился.

Но он никак не мог успокоиться.

Цзян Шэнь никогда прежде не чувствовал себя так: беспокойство, тревога, будто сердце всё время где-то висит и не находит опоры.

Он понимал: это связано с той частью его памяти, которую он утратил.

Масло в лампе давно не подливали, и пламя стало тусклым. Цзян Шэнь поднял кочергу и слегка встряхнул фитиль, тихо вздохнув.

Что же он забыл?

Тук-тук-тук.

Кто-то постучал в дверь.

— Кто? — спросил Цзян Шэнь.

Посетитель не ответил, лишь снова постучал.

Цзян Шэнь нахмурился.

Посторонние сюда попасть не могли — охрана тщательно проверяла всех. Поэтому человек у двери обязан был знать этикет.

Он помолчал, взял со стола ручной меч, спрятал его за спиной — и только тогда приоткрыл дверь.

Он успел увидеть всего один взгляд — и застыл.

Перед его дверью стоял юноша в красном.

Юноша был одет в простую одежду, и для весны в горах она выглядела чересчур лёгкой — будто тонкая ткань не могла защитить от ветра. Но она подчёркивала стройный силуэт, делая фигуру почти хрупкой.

Однако сам юноша выглядел очень красиво: он смотрел на него ясными, яркими глазами, будто в них пряталась улыбка.

Цзян Шэнь ещё не успел ничего понять, но лишь встретился взглядом с ним — как сердце внезапно сильно забилося.

— Ты... — открыл он рот, но тут только почувствовал, что горло пересохло и голос стал хриплым.

Ли Жуань тоже очень нервничал.

Может быть, потому что никогда прежде Цзян Шэнь не был так красиво одет перед ним.

А может потому, что они так давно не виделись — и невидимая тоска, жившая в нём всё это время, вдруг стала почти осязаемой.

Ли Жуань почувствовал, будто воздух вокруг стал липким и густым.

Ему с трудом удалось удержаться, чтобы не броситься в объятия Цзян Шэня.

Он вспомнил наставления синицы — их тайный план.

Он незаметно ущипнул себя за руку, спрятанную в рукаве, и, подняв голову, посмотрел на Цзян Шэня уже другими глазами — покрасневшими, обиженными.

— Ты... забыл меня? — нахмурился он, глядя на Цзян Шэня с укором.

— Я ношу под сердцем твоего ребёнка, — сердито сказал Ли Жуань. — Как ты мог меня забыть? Ты должен отвечать за это!

Цзян Шэнь: — ???

<http://bllate.org/book/14444/1277241>